

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.49>

Кулбаракова Зарина Анарбековна

**ТОТЕМИЧЕСКИЕ ЗНАКИ ЖИВОТНЫХ В ПИСЬМЕННЫХ И УСТНО-ЭПИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ
КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

В статье рассматривается проблема изучения тотемизма и тотемных знаков как основы зарождения художественной культуры. Обосновывается идея о том, что изучение материалов о тотемизме кочевых народов Средней Азии окажет помощь в исследовании тотемических символов письменных и устно-эпических источников, а также в проведении первоначального анализа духовного номадического наследия кыргызского народа. Значительное внимание уделяется текстам эпоса "Манас" и "Собрания тюркских наречий" Махмуда Кашгари. На основе исторических письменных источников Средней Азии автор приходит к выводу, что становление тотемического символа в национальном самосознании является фактом этнографии и фольклора как науки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 242-246. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

но сохранился в Нижнем мире), упоминания героями Чарльза Диккенса и Шерлока Холмса, Фрэнка Баума, чтение Дверью романа Джейн Остен «Менсфилд-парк» (дважды читатель видит ее за этой книгой), цитата из шекспировского «Макбета», небольшой экскурс в историю Темзы. Обращение к имени Джейн Остен представляется неслучайным. Лондон в целом воплощает в романе Н. Геймана идею «английскости». Учитывая многомерность времени в романе, можно вслед за автором прибегнуть к каламбуру и предложить определение данного образа Лондона как “Everwhere”, или «Всегде».

Список источников

1. **Викторова Н. А.** Английская литературная сказка эпохи постмодернизма: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2011. 180 с.
2. **Винтерле И. Д.** Феномен незавершенности в раннем творчестве Дж. Р. Р. Толкина и проблема становления концепции фэнтези: дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2013. 196 с.
3. **Гейман Н.** Никогда / пер. с англ. Н. Конча, М. Мельниченко. М.: АСТ, 2017. 416 с.
4. **Лозовик Е. В.** Современная английская литературная сказка в творчестве Нила Геймана: дисс. ... к. филол. н. М., 2015. 189 с.
5. **Приходько А. М.** Жанр «фэнтези» в литературе Великобритании: проблема утопического мышления: дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 199 с.
6. **Хорошевская Ю. П.** Мифопоэтика фантастического в романе Нила Геймана «Американские боги» и тетралогии Дэна Симмонса «Песни Гипериона»: дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2018. 205 с.
7. **Lancaster K.** Neil Gaiman's "A Midsummer Night's Dream": Shakespeare integrated into popular culture // Journal of American and Comparative Cultures. 2000. Vol. 23. P. 69-78.
8. **Neil Gaiman in the 21st century:** essays on the novels, children's stories, online writings, comics and other works. Jefferson: McFarland, 2015. 272 p.
9. **Prince of stories: The many worlds of Neil Gaiman** / ed. by S. Bissette, H. Wager, Ch. Golden. N. Y.: St. Martin's Press, 2009. 560 p.
10. **Rauch S.** Neil Gaiman's "The Sandman" and Joseph Campbell: In search of the modern myth. Cabin John, Maryland: Wildside Press, 2003. 150 p.
11. **The mythological dimensions of Neil Gaiman** / ed. by A. Burdge, J. Burke, K. Larson. Crawfordsville: Kitsune Books, 2012. 290 p.

IMAGE OF LONDON IN NEIL GAIMAN'S NOVEL "NEVERWHERE"

Bondarenko Marina Igorevna, Ph. D. in Philology
State University of Humanities and Social Studies, Kolomna
bond0713@rambler.ru

The article provides a comprehensive analysis of London's image in Neil Gaiman's novel, which is formed through the reception of personages and the narrator. The study focuses on analysing the evolution of London's image in the consciousness of the main character – Richard Mayhew. The spatial arrangement of the text (division into Upper and Lower London) suits the character's ambiguous vision of the city. London's image goes beyond the framework of a sociocultural and historical object, mythologizes and becomes a prototype of "eternal city". The accent on particular topos is conditioned by the novel's genre nature. Toponyms contribute greatly to the arrangement of artistic space. The storyline is based on the detective intrigue and is associated with the journey motif.

Key words and phrases: Neil Gaiman; "Neverwhere"; London; urban fantasy; topos; journey motif; two-worldness.

УДК 82; 398.22

Дата поступления рукописи: 14.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.49>

В статье рассматривается проблема изучения тотемизма и тотемных знаков как основы зарождения художественной культуры. Обосновывается идея о том, что изучение материалов о тотемизме кочевых народов Средней Азии окажет помощь в исследовании тотемических символов письменных и устно-эпических источников, а также в проведении первоначального анализа духовного номадического наследия кыргызского народа. Значительное внимание уделяется текстам эпоса «Манас» и «Собрания тюркских наречий» Махмуда Кашгари. На основе исторических письменных источников Средней Азии автор приходит к выводу, что становление тотемического символа в национальном самосознании является фактом этнографии и фольклора как науки.

Ключевые слова и фразы: эпос; письменный источник; тотемные знаки; художественная роль; животные; внутренний тотем; тотемизм.

Кулбаракова Зарина Анарбековна

Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек
zarina217@mail.ru

**ТОТЕМИЧЕСКИЕ ЗНАКИ ЖИВОТНЫХ В ПИСЬМЕННЫХ
И УСТНО-ЭПИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Тотемизм, представляющий форму познания окружающего мира обществом на начальном этапе развития, постепенно прошедший ступени обновления, сохранился во всех этнографических ценностях нации. Конечно,

это естественный процесс, вместе с тем культура тотемизма очень интересна и вносит значительный вклад в зарождение художественной культуры. Мы не придаем должного значения кажущимся незначительными тотемическим символам, особенно связанным с животными, которые занимают особое место в духовной культуре.

В эпосе «Манас» и в труде Махмуда Кашгари «Диван Лугат Ат-Тюрк» можно видеть животных, несущих в себе элементы тотемизма и тотемические символы. Конечно, они, далеко уйдя от исторического периода племенной общности и претерпев эволюционные изменения, обрели новую форму. По мнению Фрэзера, тотемизм не был верой, он был магией, с помощью которой можно было покорить природу при помощи различных способов приближения к ней [20, с. 20]. Тайлор же генезис тотемизма определил как первичную форму веры, или как форму познания окружающего мира. В 1900-е гг. Пиклер и Сомло назвали тотемизм знаковой системой, получившей свое начало от символов [19, с. 65]. Они оба считали основными предметами тотемизма идол, архетип и семиотику. То есть они подразумевали, что каждое племя, имеющее свой тотем, располагало и собственной пиктографией, которая играла значительную роль в социальном оповещении. Выбранные символы животных и растений в качестве названий племен оказывали влияние на развитие первоначальной психологии племени, его мировоззрение, а также на веру, тем самым формировали тотемизм. Тот, кто формировал модель тотема, а также являлся его хранителем, становился предводителем племени. При знакомстве с такими интересными теоретическими идеями, опирающимися на письменные и устные источники тюркских народов, рождаются вопросы следующего плана: что собой представляли тотемные знаки, символы, использованные в письменности, в духовной жизни; являются ли они остатками тотемизма или каким-то образом были спроецированы на письменность?

Сам тотем всегда находился в синхронном и диахронном состоянии, что является этнографическим фактом. Это очевидно на примере эпоса «Манас», который состоит из ряда исторических стадийных слоев, на каждом из которых отчетливо проявляется сохранившаяся форма символов. Например, в варианте С. Каралаева обнаруживаем, что в описании образов животных тотемический символ, хоть и незначительно, но дает о себе знать:

*Кабылан Манас уул келди,
Эми карап, Жакып, угуп ал!
Атын койгун Манас – деп,
Капандын баарын жоё көр,
Кара калмак, манжууга
Чоң Жинди атка коё көр [7, с. 91]! /
Пантера Манас пришел,
Смотри и слушай, Жакып!
Назови его Манасом,
Не печалься,
Для калмыков и манжуу
Пусть будет Чоң Жинди!*

Эпитет «кабылан» в имени Манаса в данном случае несет семантическую нагрузку, заключающую в себе значение храбрости и непоколебимости батыра, а не сравнение с хищником. Но при этом эпитет содержит тотемические характеристики, а также выполняет функцию художественного описания героя. Качества тотемного животного, его поведение являются основой для сравнения с героем. Что касается влияния тотема на человека, то оно заключается в том, что тотем является защитником и покровителем человека. Таким тотемом, сопровождающим Манаса уже с момента рождения, и в эпизодах, описывающих его детство, является могучий леопард, который трижды переступает через младенца и исчезает:

*Аты «Манас» болсун – деп,
Балаңдын аты коюлду.
Катындар ороп аларда
Бу белгиси дагы бар,
Кара чаар кабылан
Капталында чамынды [Там же, с. 112]... /
Пусть будет Манасом он,
Назвали твоего сына.
Женщины, взяв в руки,
Увидели знак неземной,
Черная пантера...*

Такая поэтическая формула, описывающая покровителей Манаса, встречается на протяжении всего эпоса. Так, тигр, который всегда находится при герое, при раскрытии его образа выполнял художественную функцию. В качестве покровителей Манаса в эпосе встречаются также пантера и сорок чилтенгов (мифические существа, якобы незримо живущие среди людей и обладающие сверхъестественной силой). По варианту С. Орозбакова, они превращаются в сорок волков, беркута (во сне Жакыпа он представляется как покровитель Манаса), иногда встречается лев. В эпосе часто упоминаются хищные животные-покровители и других батыров (волк – покровитель Алмамбета, медведь – Кошой, дракон – Коңурбая, тигр – Сыргака, Чубака и т.д.).

В исторических источниках XVI века кыргызские воины сравнивались с лесными львами. Подобные сравнения впервые упоминаются в событиях, имевших место зимой 1503-1504 годов: «Этой зимой в г. Ак-Суу монгольский хан Ахмед покинул этот мир, вместо него на трон был посажен его сын Мансур. Ему будет противостоять родной брат Султан-Халил, который, уйдя в Моголистан, присоединится к кыргызам, именуемым “дикими львами”. Кыргызы назначили его своим военачальником» [2, с. 50]. Во-первых, война сравнивали со львом; во-вторых, человека называли именем животного. По варианту С. Орозбакова, зверь «кабылан» выполняет художественную, а также сравнительную функцию. Вместе с тем этот образ во многом содержит в себе мифические элементы. Это можно увидеть на примере борьбы богатыря Кошой с великаном в эпизоде битвы Манаса с народом уу-дуу. Борьба эта продолжалась день и ночь, лишь на исходе второго дня Кошой побеждает волшебного противника, который превращается то в леопарда, то в тигра, то в богатыря в железных доспехах:

Каарданып бул аяр,
 Кара чаар кабылан –
 Жолборс боло калганы.
 Кармап Кошой кулактан
 Көтөрүп жерге салганы.
 «Жутмак элен Кошой» – деп,
 Көпкөк темир кийинген,
 Жигит боло калганы...
 Кайраттанып эр Кошой
 Көтөрүп уруп жыгыптыр [14, с. 43]. /
 Злобный волшебник
Стал черной пантерой
И пятнистой тигрой,
 Взяв его, Кошой
 Свалил на землю.
 «Не проглотишь, Кошой», – сказал,
 В синих доспехах волшебник
 Превратился в джигита.
 Осмелился богатырь Кошой
 И победил его.

В эпосе «Манас» это один из сюжетов тотемизма, содержащий мифический элемент превращения человека в хищника, хищника – в человека. Он содержит в себе мифические тотемические символы (мифический тотем – необыкновенное превращение и волшебное явление, начиная с архетипического элемента до настоящего времени, которое заключается в превращении тотемного животного или растения). Тотемный миф – это другое понятие, это миф с присутствием легенды [9, с. 136]. История превращения провидца Кунгея в льва в эпосе еще более интересна: когда лев начнет проигрывать богатырю Кошой, он, превратившись в огромную птицу, взлетает вверх. Кошой метким выстрелом сбивает его на землю и отрывает голову [14, с. 44].

Таким образом, вариант С. Орозбакова сохранил в себе больше тотемических символов с мифическими элементами. В этом сюжете архетипическая модель, древний мотив превращения человека в животное и мифический тотем сохранились лучше. В мотиве превращения человека в животное сам тотем невозможно «разглядеть» в изначальном виде, но можно выделить тотемический символ, несущий в себе все его основные элементы. Один из древних мотивов – превращение героя в покровительствующего ему животного.

Этот мотив возник во время становления родоплеменных отношений, когда существовала вера в то, что глава рода мог обретать образ покровительствовавшего ему и его племени животного. Данный мотив обладает также функцией переселения души, его можно встретить в сказках всех народов. В сказках тюркских народов преобладает мотив превращения человека в волка. Так, у башкирского народа волк показан как предводитель или проводник.

К примеру, существует поверье среди южно-восточных башкирских народов (усерги, тангауры, бурзянды), что после нашествия врагов люди вынуждены были бежать в пустыню, а когда они не могли оттуда выбраться, внезапно появлялся волк и выводил людей. Свое этнонаименование башкиры расшифровывают так: голова (баш) – глава, курт – волк. Племена, населявшие в древности Уральские горы, имели флаги с изображением головы волка.

Башкирский писатель Таджедин Ялыгул (1767-1838) приводит поверье, бытовавшее среди рода айле: «Человек по имени Хантыл из города Медина, идя вслед за волком, дошел до города Булгар, а по возвращении к своему народу стал главой племени айле» [4, с. 18-20]. После этого потомки Хантыла стали называться башкортами, позднее так стали называть весь народ. Такой мотив можно встретить и в сказках, когда на помощь заблудившимся батырам приходил волк. Одним из основных мотивов башкирских народных сказок является оказание помощи человеку со стороны волка в поиске дороги (например: «Алтын канат», «Санай баатыр», «Алтын алма», «Юлбат» и др.) [Там же, с. 32]. В трудах Махмуда Кашгари вместе с именем волка встречаются такие слова: böri / серый волк и kurt / волк (название племени солужан). Bөрleyü/bөрлейу – быть как бы волком, значение использовано по отношению к человеку; быть сильным,

грозным, бесстрашным, как волк, нрав хищника применяется для человека или же сравнивается с характером человека, что еще раз отсылает нас к тотемическому символу того времени.

В произведении Махмуда Кашгари «Диван Лугат Ат-Тюрк» («Собрание тюркских наречий») лев “asrı” (асры) встречается как “esrı” (эсри). Еще одно наименование – “tojna” (тона) – расшифровывается как «однотонный» [21, s. 10]. То, что в языках двух разных племен имеется лексема «лев», говорит о важном значении хищника в жизни людей того времени. Махмуд Кашгари говорит также о том значении, которое придавалось у тюркских народов охоте. В качестве примера он приводит в своем труде описания различных видов охоты (sigir (сыгыр) – укрытие, sacratg (сачратгу) – в сети) [Ibidem, s. 157].

В жизни племен, существовавших за счет охоты, звери занимали специфическое место. Особо почитались такие хищники, как тигр, лев, леопард, с которыми люди старались найти общие черты характера, затем свято чтить их как тотем. Пример этому мы находим в трудах Махмуда Кашгари, где слово мончук (мончук, мончок) расшифровывалось двояко. Первое значение – бусы из драгоценных камней, носившиеся на шее, второе – камень, повешенный на шею коня, «коготь льва, тигра», повешенный на шею человеку или коню. Таким образом, какая-то часть тела зверя служила оберегом для людей в пути. Известно, что, почитая животных в качестве тотема, люди носили на себе их когти в качестве тотемического символа. В настоящее время у кыргызов бусинка с белым глазком считается предметом-оберегом, тогда как коготь тигра охотники в прошлом носили не как оберег, а как символ, означающий храбрость.

Поскольку в настоящее время на территории Кыргызстана тигры уже не водятся, то народ использует в данных целях когти волка. Так, добытые во время охоты на волков когти или зубы используются в народной медицине для лечения кожных заболеваний. Есть еще поверье, что если заболевшему человеку повесить их на шею или пояс, то они примут болезнь на себя.

В прикладном искусстве кыргызов при изготовлении ковров широко использовались орнаменты с изображением лап тигра. При создании циновки также широко применяются узоры с образами животных [1, с. 112]. В этом ремесле плетения, которое возникло задолго до изготовления ковров, орнамент «глаз тигра» использовался издревле и повсеместно [Там же, с. 172]. Кроме этих узоров, существовало много других орнаментов, таких как «рога кочкора» (рога барана), «коготь беркута», «хвост собаки», «рога оленя». Их наносили на ширдаки, на настенные ковры – туш кийизы, на драгоценности и украшения. Предметов, на которых звери изображены полностью, мало. Широкое распространение получили узоры, в которых изображается какая-то отдельная часть животного. Такое символическое изображение животных демонстрирует, что они рассматривались в качестве атрибутов-помощников (оберегов), возникавших вследствие суеверий.

У Фирдоуси в «Шах-намэ» описывается битва между туркутами (турки) и персами под Гератом. Автор туркутов называет «китайскими турками», а персидского полководца – Бахрамом Чубином. В своем труде Фирдоуси описывает туркутское колдовство и колдунов. Повествование начинается с того, что Бахрам Чубин накануне решительного боя видел плохой сон. Во сне он увидел, как турки превращаются во львов, а его воины разгромлены, дорогу на Ктезифон преграждают враги, а сам он идет пешком и просит прощения. Несмотря на этот сон, Бахрам начал сражение. Турки, чтобы напугать персов, воспользовались колдовством. Колдун, извергнув в небо огонь, навлекли на персов дождь из стрел, ветер и черный туман. Но Бахрам закричал, что это все обман, дождя из стрел не существует, таким образом, колдовство не достигло цели. В результате сражения персы одерживают победу, а колдун попадает в плен и признается Бахраму, что сон этот послал он [6, с. 69].

В исторических летописях часто встречаются рассказы, где воины сравниваются с дикими зверями. Особенно выделяются древние мотивы, которые повествуют о том, как герои видят зверей во сне. Приход животных во сне означает наличие анимистических связей, уважение к своему предку-тотему, а также свидетельствует о зарождении табу в отношении определенных животных. Подобный мотив сна широко представлен в эпосе «Манас». Так, Манас о приезде к нему Алмамбета узнает из своего сна, который видит во время салбуруна (длительной охоты). Во сне его булатный меч превращается в тигра, который не отходит от Манаса, оставаясь с ним рядом. Увидевший это народ не может приблизиться к Манасу. Сон его растолковывают так, что найдет он друга грозного, как тигр (С. Орозбаков).

Накануне рождения сына Жакып видит сон. Во сне он видит, что его сын, поймав беркута, приручает его. Выйдя на охоту, Жакып отпускает беркута. Когда беркут взмывает вверх, все живое моментально прячется, а он набрасывается на тигров и львов. Акбалта сон Жакыпа собравшимся людям разъясняет так: «Приручение беркута – это рождение сына, выход на охоту с беркутом – сын рано повзрослеет и будет управлять народом, нападение орла на могучих хищников – это победа над врагами. Родится батыр, сильный и отважный, как беркут». Образ еще не родившегося ребенка, сравнение нрава беркута с судьбой человека – в какой-то мере все это указывает на появление животного-покровителя.

Кроме народного творчества, образы животных представлены на рисунках, нанесенных на скалах. Рисунки на гребнях Ферганских гор, перевале Кокарт и на западных склонах современного города Джалал-Абада являются свидетельством и интересным памятником «нашествия» земледельческой культуры Ферганы на горный край. Дорога, ведущая на «Саймалы-Таш», где располагаются многочисленные изображения, нанесенные на скалах, проходила через богатую местность вдоль реки Кокарт западной Ферганы. Эти наскальные рисунки были открыты Н. Г. Хлудовым в 1902 году, позднее, в 1903 году, они будут исследованы И. Т. Пославским. В 1946 году рисунки исследовал отечественный историк Б. М. Зима [3, с. 252].

Судя по всему, петроглифы создавались в разные исторические времена, но среди них ясно различаются два древних сюжета. Во-первых, это охота на диких зверей, когда охотник подкрадывается, закрывшись

шкурой зверя, а также сцены, когда он пользовался помощью собак, во-вторых, рисунок возделывания земли – здесь одеяния пахарей напоминают птичьи крылья с капюшонами, похожими на клювы орлов, в плуги запряжены волы и яки [Там же, с. 253].

Согласно древней мифологии (Индия, Китай), мир, земной шар держался на рогах волов. Известно, что вол у многих народов был тотемным животным. В словаре Махмуда Кашгари у всех тюркских народов название вола встречается именно в этой форме – öküž (огуз). Но при этом второе его значение являлось названием рода – Топоздор [21, s. 140]. До настоящего времени многие названия кыргызских родов и племен носят названия животных: бугу (олень), сары багыш (лось) и др.

Древние тотемические символы постепенно уходят из нашей жизни, хотя какие-то элементы останутся вечными. К примеру, летоисчисление кыргызов, как и некоторых других восточных народов, зиждется на двенадцатилетнем цикле, именуемом названиями животных. Также эти названия присутствуют в ежедневных гороскопах, в которых нередки и благие предсказания: «Телец в созвездии Козерога: “Ваш день сегодня будет удачным”». Это тоже тотемический символ. Невольно человека характеризуют по поведению животного (внутренний тотем), под созвездием которого он родился. Предстоящий год кыргызы сравнивают с животным, год которого наступил. То, что люди, издревле проживавшие в Средней Азии, соотносят толкование годов с животными, вполне закономерно. Это сложный и многолетний процесс построения базы архетипов национального самосознания. Не ошибемся, если отметим, что становление тотемического символа в национальном самосознании является фактом этнографии.

Список источников

1. Акматалиев А. Кыргыздын кол өнөрчүлүгү. Бишкек: Бийиктик, 1996. 235 с.
2. Бартольд В. В. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер. Бишкек: Айбек, 1997. 535 с.
3. Бернштам А. Н. Кыргыздардын жана Кыргызстандын тарыхы жана археологиясы боюнча тандалма эмгектер. Бишкек: Айбек, 2004. 702 с.
4. Бускунов А. М., Кульшарипов М. М. Культы животных и птиц в башкирской мифологии и истории общественной мысли // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 8-32.
5. Бутанаев В. Я., Молдобаев И. Б. Киргизско-хакасские этнокультурные связи // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1988. С. 1-35.
6. Гумилев Л. Н. Байыркы түрктөр. Бишкек: Ариал-Принт, 1999. 412 с.
7. Каралаев С. Манас. Бишкек: Турар, 2010. 1005 с.
8. Каратаев О. Кыргыздардын теги, таралуу ареалы, этностук-маданий алакалары. Бишкек: Бийиктик, 2005. 282 с.
9. Киндря Н. А. Животные-тотемы в древнем сознании: лингвосомиотический контекст // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 1 (77). С. 136-140.
10. Кыдырбаева Р. Эпос «Манас». Генезис. Поэтика. Сказительство. Бишкек: Шам, 1995. 310 с.
11. Манас: варианты С. Орозбакова: в 9-ти т. Бишкек: Кыргызстан, 1995. Т. I. 566 с.
12. Манас: варианты С. Орозбакова: в 9-ти т. Бишкек: Кыргызстан, 1995. Т. II. 800 с.
13. Манас: варианты С. Орозбакова: в 9-ти т. Бишкек: Кыргызстан, 1997. Т. IV. 611 с.
14. Манас: варианты С. Орозбакова: в 9-ти т. Бишкек: Турар, 2014. Т. VIII-IX. 798 с.
15. Молдобаев И. Манас – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: Шам, 1995. 260 с.
16. Молдобаев И. Отражение этнических связей киргизов в эпосе «Манас». Бишкек: Кыргызстан, 1985. 280 с.
17. Садыглы П. «Диван Лүгат-ат-Турк» Махмуда Кашгари как источник изучения материальной культуры тюркских народов [Электронный ресурс] // Народна творчѣсть та этнолога. 2014. № 1. С. 87-90. URL: <http://nte.etnolog.org.ua/zmist/2014/N1/87.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).
18. Суразаков С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 255 с.
19. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
20. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. 464 с.
21. Kaşgari M. Divani Lügat-it Türk Dizini [Электронный ресурс]. Ankara, 2003. URL: <http://www.achiq.org/pitikler/dlt---.pdf> (дата обращения: 07.06.2017).

TOTEMIC SIGNS OF ANIMALS IN WRITTEN AND ORAL-EPIC SOURCES AS ETHNOGRAPHIC REALITY

Kulbarakova Zarina Anarbekovna

*Institute of Language and Literature named after Ch. Aitmatov
of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek
zarina217@mail.ru*

The article deals with the problem of studying totemism and totemic signs as the basis for artistic culture emergence. The author substantiates the idea that the study of the materials on totemism of the nomadic peoples of Central Asia will assist in the research of the totemic symbols of written and oral-epic sources, as well as in conducting the initial analysis of the Kyrgyz people's spiritual nomadic heritage. Considerable attention is paid to the texts of the epic “Manas” and “Compendium of the Languages of the Turks” by Mahmud Kashgari. On the basis of the historical written sources of Central Asia the author comes to the conclusion that the totemic symbol formation in national identity is a fact of ethnography and folklore as a science.

Key words and phrases: epic; written source; totemic signs; artistic role; animals; inner totem; totemism.